

У-93

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УДК 809.27:318

УШАКОВ Виктор Данилович

ФРАЗЕОЛОГИЯ АРАБСКОГО
КЛАССИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

(на материале языка Корана)

Специальность 10.02.22 – Языки народов зарубежных
стран Азии, Африки, абори-
генов Америки и Австралии

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

МОСКВА 1989

Работа выполнена в Институте востоковедения АН СССР

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, проф. В.М.Белкин,
доктор филологических наук, проф. В.М.Мамедалиев,
доктор филологических наук, проф. Б.Я.Шидфар.

Ведущая организация – Военный Краснознаменный институт Министерства обороны СССР.

Защита состоится "12 января" 1989 г. на заседании
специализированного совета Д.003.01.03. по филологическим наукам
при Институте востоковедения АН СССР по адресу: Москва 103753,
ул. Рождественка, 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
востоковедения АН СССР.

Автореферат разослан "30 ноября" 1989 г.

Ученый секретарь специализированного
совета Д.003.01.03 Института
востоковедения АН СССР
кандидат филологических наук

 А.Г.Белова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена изучению фразеологии арабского классического языка (АКЯ). Выбор темы исследования обусловлен как недостаточной разработанностью вопросов фразеологии арабского языка в целом, так и отсутствием трудов, специально посвященных описанию и систематизации фразеологического материала АКЯ.

Актуальность исследования определяется тем, что историческая фразеология является наименее разработанным разделом фразеологической науки. В то же время изучение синхронного состояния какого-либо аспекта языка на определенном этапе его развития имеет важное значение для понимания современного состояния данного языка, может послужить основой для сопоставления двух его асинхронных срезов, уяснения особенностей его эволюции.

Данная работа приобретает особое значение в связи с тем, что в ряду художественных средств Корана, который использован нами в качестве основного источника фразеологии АКЯ, впервые специально исследуются фразеологические средства выразительности. Некоранические фразеологические образования АКЯ также ранее специально не изучались.

Цель и задачи исследования. Основной целью данной работы является исследование структурных, семантических и стилистических особенностей фразеобразований арабского классического языка, их систематизация и классификация.

В задачи исследования входит сопоставление коранических фразеобразований (ФО) с некораническими, относящимися к поэтической, «бытовой» и иным разновидностям речи классического периода. Такое сопоставление призвано выявить структурно-семантическое и стилистическое своеобразие фразеологии Корана относительно других ФО АКЯ, а также определить ее роль в формировании художественных особенностей этого литературного памятника.

Одной из важных задач является освещение ряда актуальных проблем современной фразеологии, в частности, – вопросов об объеме и объекте этой дисциплины, о релевантных свойствах и признаках фразеологических единиц, об отношении фразеологии к лексикологии и стилистике.

В работе также излагаются некоторые положения арабской клас-

сической науки о красноречии (риторике), имеющие отношение к сверхсловным фигурам речи, коррелирующим с фразеобразованиями.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первой работой, посвященной исследованию ФО АКЯ. В ней впервые проводится дифференциация двух относительно самостоятельных аспектов фразеологии – речевого и языкового (до сих пор в качестве «официально признанного» практически выступал лишь языковой аспект). Признание за речевой фразеологией независимого статуса открывает новое направление фразеологических исследований, призванное способствовать решению смежных практических проблем стилистики и переводоведения. В теоретическом плане дифференциация речевого и языкового аспектов позволит разрешить существующие противоречия во взглядах на объем фразеологической дисциплины, на ее основные понятия и положения.

Специфичность методики исследования коранических сверхсловных фигур речи и других образных средств заключается в использовании в процессе анализа материала двух асинхронных дискурсов – современной фразеологической теории и арабской классической науки о языке. В работе сочетаются лингвостилистический и таксономический подходы к анализу фразеологического материала; разработана структурно-семантическая классификация фразеологических образований АКЯ; показана роль различных разрядов ФО в формировании стилистических особенностей Корана; изложены взгляды арабских средневековых ученых по таким важным проблемам языкознания, как соотношение понятий «язык» и «речь», вопрос о свойстве семантической двуплановости, присутствующем тропам и т.д.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что, открывая речевое направление в арабской фразеологии, оно способствует решению проблем фразеологической стилистики, представляет собой вклад в изучение и систематизацию ФО АКЯ, а также в решение теоретических вопросов общей фразеологии.

Полученные результаты могут послужить основой для последующих сопоставительных и диахронических исследований в области арабской фразеологии, способствовать выявлению тенденций развития фразеологического состава АКЯ и современных арабских народно-разговорных языков, более углубленному анализу структурно-семантических характеристик и особенностей функционирования различных разрядов фразеобразований современного арабского языка.

Выполненный в диссертации лингвостилистический анализ фразеоло-

гического аспекта Корана представляет интерес и для дальнейшего изучения других стилообразующих средств, используемых в этом произведении.

Речевой подход к исследованию ФО может стимулировать новые изыскания в области речевой фразеологии, явиться методологической базой для исследования фразеологии языка отдельных писателей, текстов или иных произведений, для разработки проблем фразеологической стилистики и переводоведения.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в лексикографической, фразеологической и переводческой практике, при подготовке теоретических курсов и лекций по фразеологии, стилистике и истории арабского языкознания. Содержащиеся в диссертации теоретические положения и выводы могут быть полезными для проведения типологических исследований фразеологии языков, испытавших на себе влияние арабского литературного языка.

Содержащийся в работе фразеологический материал может использоваться при обучении фразеологическому аспекту арабского языка, при составлении лексикографических разработок, написании учебников и учебных пособий.

Теоретические положения, разработанные в диссертации, лингвостилистический подход к анализу текста памятника могут сыграть положительную роль при выполнении нового перевода Корана, и в частности, сур и аятов, содержащих фразеологический материал. Так, представляется возможным использовать на практике предложенные в работе конкретные приемы перевода ФО в зависимости от наличия/отсутствия у них свойства межъязыковой мотивированности, а также принципы перевода глагольных перифраз, учитывающие зависимость выбора выражения той или иной лексической функции от правил лексической сочетаемости на языке перевода.

Проведенное в работе исследование ряда проблем арабской классической лексикологии и науки о красноречии представляет собой определенный вклад в изучение арабской лингвистической традиции.

Методологической основой диссертации являются положения советского языкознания, базирующиеся на учении диалектического материализма и принципах историзма, предполагающих исследование явлений в их становлении и развитии, в связи с конкретными условиями. В работе используются достижения советского и зарубежного языкознания в области фразеологии, стилистики, лексической семан-

тики, применяются структурный, описательный и сопоставительный методы, а также другие приемы исследования фразеобразований.

Материалом исследования послужили текстовые, теоретические и фразеографические источники. Основным текстовым источником явился Коран – "первый крупный памятник арабской прозы, зафиксированный на письме" и окончательно закрепивший "единый литературный язык" (И.Ю.Крачковский). В качестве теоретических источников были использованы труды арабских ученых IX–XV вв. по вопросам лексикологии и стилистики, в которых описываются семантические и стилистические особенности сверхсловных переосмысленных или устойчивых образований, так или иначе соотносящихся с единицами, изучаемыми в рамках современной фразеологической дисциплины.

В качестве фразеографических источников выступают труды средневековых арабских лексикологов, лексикографов и стилистов, содержащие примеры на переосмысленные и устойчивые словосочетания и выражения из поэзии, хадисов, различного рода цитации, афористические суждения, образные сравнения, паремии.

В сопоставительных целях в определенной степени использовались современные лексикографические источники, материалы арабской прессы, образцы художественной литературы, сценарии кинофильмов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ фразеологического материала АКЯ позволил выделить следующие его разряды: а) собственно ФО – полностью или частично переосмысленные (непредикативные и предикативные) словосочетания, а также некоторые устойчивые перифрастические и терминообразные словосочетания; б) глагольные перифразы – слабо идиоматичные глагольные словосочетания, в которых глагол выполняет ту или иную "лексическую функцию" (ЛФ), оформляя грамматические связи между участниками ситуации; в) пословично-афористические речения; г) образные сравнения.

2. Поскольку в качестве материала для исследования были использованы, в основном, речевые произведения – текст Корана и примеры из поэзии, объектом анализа в работе являются как языковые ФО – устойчивые в употреблении, вошедшие в систему языка, так и речевые, для которых свойство воспроизводимости в употреблении не является релевантными. Таким образом, особенностью данной диссертационной работы является применение речевого подхода к исследованию фразеологии АКЯ. Осуществление этого под-

хода дает нам основание выделить во фразеологии два аспекта: а) языковой – направленный на изучение языковых ФО, на решение, в первую очередь, вопросов лексикографии и фразеографии и б) речевой – ориентированный на исследование проблем речевой деятельности, организации речевых высказываний, достижение выразительности речи, т.е. на решение проблем стилистики и риторики.

3. До выделения фразеологии в самостоятельный раздел языкознания «фразеологический материал» исследовался в рамках «не-фразеологических» дисциплин, что и явилось, по нашему мнению, причиной "исторической вторичности" фразеологии как "отдела науки" (М.М.Копыленко, З.Д.Попова). В рамках арабской классической науки о языке языковой аспект фразеологии рассматривался в лексикологии, а речевой – в "науке о красноречии". В связи с этим мы провели сопоставление двух асинхронных теоретических дискурсов: а) арабской лексикологии и риторики и б) современной фразеологической дисциплины.

4. В результате сопоставления этих дискурсов удалось установить следующее:

- в трудах по арабской классической лексикологии и лексикографии наряду с отдельными лексемами широко представлены сверхсловные устойчивые конструкции и выражения, соотносимые с языковыми ФО;

- теория назма, разработанная в рамках арабской риторики и исследующая вопросы лексико-грамматической организации высказываний, в определенной мере охватывает фразеологические проблемы лексико-семантической сочетаемости, а также вопросы фразообразования в его широком понимании;

- в таком разделе риторики, как учение о маджазе, рассматриваются проблемы лексико-семантических преобразований в тропах, – в том числе и в сверхсловных, соотносимых с речевыми, а также с языковыми ФО;

- имеют место совпадения в представлениях, понятиях и терминах арабской "науки о красноречии" и современного языкознания, свидетельствующие о том, что новые теории в значительной степени являются результатом перестроения, перекодирования уже имеющихся дискурсов;

- существенным достижением арабской риторики является дифференциация понятий "язык" и "речь", проведенная выдающимся ученым

XI в. Абдалъяхиром Джурджани и явившаяся методологической основой его концепции "красноречия";

– наличие тех или иных лакун в сопоставляемых теоретических построениях предопределяется практическими задачами, решаемыми с помощью этих дискурсов, их целевой направленностью и другими факторами, – например, отсутствие "языковой фразеологии" в рамках арабской науки о языке объясняется тем, что в арабской лексикографии не вставал вопрос о создании с п е ц и а л ь н ы х словарей сверхсловных устойчивых и переосмысленных образований, а "речевой фразеологии" не существовало в качестве особого раздела риторики, поскольку для "науки о красноречии" было важно семантическое "отклонение" и его отношение к норме, а не свойство одночленности/многочленности знака.

5. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что для собственно ФО АКЯ характерно значительное структурное и семантическое разнообразие. В их основе лежат различные виды переосмысления, – как метонимические, так и метафорические. Неоднородны они и по характеру и степени их мотивированности.

Что касается коранических ФО, то многие из них (приблизительно две трети) представляют собой образные средства передачи душевного состояния человека. Причем, ФО, связанные с отрицательными эмоциями и переживаниями, явно преобладают над ФО, имеющими отношение к положительным состояниям души. Количество собственно ФО, не обозначающих чувств и переживаний, а также ФО, не включающих в свой состав компонентов – органов и частей тела, относительно невелико – около одной четверти всех ФО.

6. Анализ глагольных перифраз, выражающих лексические функции (ГП–ЛФ), показал их широкую распространенность и богатое разнообразие в Коране. Вместе с тем, удалось установить, что употребление ГП–ЛФ не является характерным для поэтической и «бытовой» разновидностей АКЯ.

7. Паремии АКЯ отличаются богатством и разнообразием. Их тематика охватывает вопросы этики, морали, религии, философии, духовных ценностей, личностных качеств человека, человеческих взаимоотношений и др.

Речения пословичного типа, коррелирующие с категорией "масаль" в арабском языкознании, в зависимости от характера их мотивированности подразделяются на пословицы и афоризмы. Для Корана характерно преобладание афористических речений, представляющих собой обо-

женно-назидательные суждения и прескрипции. Распространенность именно этого разряда паремий придает дидактический характер многим сурам и аятам памятника.

8. Образные сравнения – одно из наиболее распространенных средств выразительности в арабской классической поэзии и в Коране.

Коранические ОС, представляя собой оценочные суждения, служат целям устрашения, побуждения, поощрения и т.п. и тем самым выполняют важную идейную нагрузку, способствуют эффективности воплощения художественного замысла творца памятника. Как и другие фразеологические средства выразительности в Коране, ОС характеризуются структурными особенностями, отличающими их от поэтических и «бытовых» ОС. Большинство коранических сравнений – не тривиальны, достигают высокой степени выразительности, для многих из них характерна развернутость "образа сравнения".

9. Коранические ФО, наряду с другими образными средствами, выполняют свою роль в формировании стилистических особенностей памятника как произведения, сочетающего в себе черты художественно-дидактической, экспрессивно-риторической и религиозно-экстатической речи.

Структура диссертации. Композиционная структура работы обусловлена целями и задачами исследования.

Диссертация состоит из предисловия, введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, списка принятых сокращений и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В предисловии обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цель и задачи, определяются методологические основы работы, ее теоретическая и практическая значимость, указываются текстовые, теоретические и фразеологические источники диссертации, излагаются положения, выносимые на защиту.

Во введении дается краткое изложение основных проблем фразеологии в современном языкознании. При этом особое внимание обращается на многообразие существующих фразеологических концепций, на неоднозначность понимания различными учеными-фразеологами объема и объекта фразеологии, ее основных понятий и терминов. Отмечается, что «трудности роста», пережи-

емые этим молодым разделом науки о языке, вызываются в значительной степени невниманием исследователей к ее двuasпектности: ее направленности, с одной стороны, на стилистические проблемы организации высказываний, на достижение выразительности речи, а с другой — на решение практических проблем лексикографии и фразеологии.

В этой связи мы предлагаем различать речевую фразеологию как дисциплину, тесно связанную с проблемами организации высказываний, с исследованием речевых произведений, и фразеологию языковую, ориентированную на изучение устойчивых, воспроизводимых, языковых образований. Проводимую нами дифференциацию этих самостоятельных, хотя и взаимосвязанных, направлений во фразеологии мы рассматриваем как развитие идеи академика В.В.Виноградова о необходимости различных методологических подходов к исследованию фразеологических проблем применительно а) к речевой деятельности и б) к системе языка.

Внимание большинства советских лингвистов оказалось обращенным прежде всего к «языковой фразеологии» поскольку интерес к фразеологизмам как к «устойчивым инвентарным единицам» стимулировался решением лексикографических задач и составлением фундаментальных фразеологических толковых и двуязычных словарей.

В реферируемой работе текст Корана рассматривается как речевое произведение, а содержащиеся в нем ФО¹⁾ анализируются независимо от того, входят ли они в систему языка или принадлежат данному тексту.

Помимо основных положений общей теории фразеологии во введении излагаются и краткие сведения об исследовании проблем арабской фразеологии в современном языкознании. Отмечается, что советскими и арабскими учеными выполнен ряд интересных работ в области фразеологии АЛЯ, отдельных арабских народно-разговорных языков, арабской терминологии и паремиологии (работы В.М.Белкина, Г.Ш.Шарбатова, М.А.Панахи, Ю.П.Губанова, А.Л.Спирикина, В.С.Морозовой, А.З.Налибаева, М. аль-Амира, М. аль-Дури и др.). Теоретическая разработка вопросов современной арабской фразеологии в советской арабистике была начата в 50-е-60-е годы под влиянием известных трудов В.В.Виноградова. Фразеология арабского языка как

¹⁾ Поскольку термин «фразеологическая единица» (ФЕ) «занят» языковыми фразеологизмами, в работе употребляется термин «фразеобразование» (ФО) в применении как к языковым, так и к речевым единицам.

теоретическое направление основывалась, главным образом, на описательном и классификационных принципах.

В наших работах по фразеологии АЛЯ, многие из которых написаны под влиянием идей И.Бар-Хиллела, У.Вейнрейха, В.Г.Гака, Н.Д.Арутюновой, Ю.Д.Апресяна, А.К.Жолковского, И.А.Мельчука, М.М.Копыленко, В.Н.Телия и других ученых, было уделено большое внимание таким «фразеологическим» свойствам, как идиоматичность и мотивированность.

Суть идиоматичности мы видим в «отклонении» значения лексемы (лексем) в составе словосочетания (или предложения) от ее исходного, основного значения и приобретении ей такого специфического значения, которого она не имеет, встречаясь вне этого словосочетания, либо обладает им лишь в относительно ограниченном числе других словосочетаний. Специфичность значения компонента (компонентов) словосочетания порождает неаддитивность лексем, «связанность» их значений и как следствие — «целостность» значения ФЕ.

Мотивированность мы рассматриваем как свойство, обратно пропорциональное идиоматичности. ФО тем мотивированнее, чем меньше в нем относительное количество переосмысленных компонентов, чем слабее степень самой их переосмысленности, т.е. «отклонения» их значений в составе ФО от основных значений, чем меньше «семантическое расстояние» между «исходным» и «идиоматичным». Мотивированность ФО метафорического происхождения зависит от очевидности/неочевидности черты сходства, объединяющей значение ФО (его толкование, идеограмму) с тем, с чем оно сравнивается (исходный образ, лежащий в основе ФО, соответствующий его дословной передаче).

В работах по арабской фразеологии исследовалось и свойство устойчивости ФЕ, которое возможно понимать двояко: а) либо как воспроизводимость, как «традиционную повторяемость сочетания слов», б) либо как единичную (или ограниченную) сочетаемость компонентов.

Следует отметить, что в современных исследованиях по арабской фразеологии, как и во фразеологической науке в целом, разрабатывается, в основном, «языковое» направление. «Речевое» же направление делает лишь свои первые шаги в связи с проводимыми нами исследованиями стилистических и переводоведческих проблем текста Корана. Заметим также, что в арабистике недостаточно изучаются вопросы фразеологической стилистики и лексико-семантической сочетаемости.

В главе I "Арабская классическая наука о языке и проблемы фразеологии" рассматриваются и сопоставляются два асинхронных теоретических дискурса – а) такие разделы арабской классической науки о языке, как лексикология ('ильму ль-луга) и риторика ('ильму ль-балāга – "наука о красноречии") и б) современная фразеологическая теория.

Арабские средневековые ученые противопоставляли отдельно взятые лексические единицы – "муфрадāt" и конструкции, составные единицы, словесные обороты – "таракīb". Создавая лексикографические труды, наряду с фиксацией и толкованием отдельных слов, они не обходили вниманием и сверхсловные образования, обозначающие единые понятия, устойчивые словесные комплексы, различного рода штампы и клише, коррелирующие с фразеологизмами (фразеологическими единицами) – объектом современной фразеологической дисциплины.

В рамках классической арабской "науки о красноречии" исследовались проблемы лексико-семантической сочетаемости, словорасположения (тартиб, назм), процессов переосмысления, использования тропов и средств выразительности (в том числе – сверхсловных), так или иначе соотносящихся с проблемами современной фразеологии.

В данной главе показано, что в трудах по арабскому красноречию проводилась дифференциация "языка" и "речи", обращалось внимание на свойство семантической двуплановости (аль-'мулāхаза) тропов, на использование с целью достижения выразительности приема вторичной номинации (букв. "указания с помощью одних значений на другие"), анализировались способы создания коннотации ("добавочного смысла" – зийādату ль-фā'ида), противопоставлялись "значение" (аль-ма'на) – факт языка и "смысл" (аль-фā'ида) – факт речи.

Особое внимание в арабских трудах по красноречию уделялось такому свойству тропов, как «ясности» и «очевидности», либо, напротив – «затемненности», «неясности» их значения. Фигуры речи с «затемненным» значением обычно нуждаются в той или иной "разновидности толкования". «Очевидность»/«затемненность» значения коррелирует с мотивированностью/немотивированностью – свойством, весьма существенным для характеристики ФО.

Рассмотрение двух вышеупомянутых асинхронных дискурсов позволяет сделать вывод о том, что представлению о фразеологии как об учении о лексико-грамматической сочетаемости, об искусстве «словорасположения» соответствует в определенной мере такой раздел

арабской классической риторики, как теория назма, а пониманию фразеологии как дисциплины, изучающей переосмысленные сверхсловные образования, – теория маджаза.

Процессы лексико-грамматической и лексико-семантической организации высказываний, описываемые в рамках учения о назме, по существу, «пересекаются» с тем, что в современной науке обозначается термином «фразообразование» в широком его понимании. Эти процессы включают в себя отбор лексико-фразеологических средств, обладающих теми или иными фонетическими, лексико-семантическими и другими особенностями, расположение их в определенном порядке, установление между ними грамматических связей и объединение их в словосочетания и предложения в соответствии с замыслом и с целями говорящего. Внимание стилистов и фразеологов обычно привлекают не все «сцепления» слов, а лишь такие, которые обладают теми или иными своеобразными, специфическими чертами, отличающими их от "свободно организуемых сочетаний".

Исходя из вышеизложенного, нами формулируется задача обнаружения и выделения в исследуемом материале в той или иной степени переосмысленных, в чем-то специфических, своеобразных сверхсловных единиц. Переосмысленные единицы принципиально выделены из речевых произведений независимо от их вхождения или невхождения в язык, поскольку их переосмысленность (полная или частичная) обычно манифестируется в рамках минимального лексико-грамматического окружения – такой синтагмы, в которой реализуются отношения детерминации между компонентами этих единиц. Именно указанные отношения детерминации (интердепенденции) и создают ту или иную степень глобальности ФО, «связанности» их компонентов, устойчивость ФО как семантически целостных единиц, создают предпосылки их воспроизводимости в языке.

В процессе фразообразования установление отношений детерминации (интердепенденции), формирование лексико-грамматических взаимосвязей между компонентами переосмысленных единиц является первичным и наиболее существенным шагом в их оформлении как самостоятельных оборотов речи, а воспроизводимость этих единиц в готовом виде – это «вторичная операция», превращающая их в узуальные, принадлежащие языковой системе.

Вышеизложенное позволяет нам отнести к фразообразованиям прежде всего полностью или частично переосмысленные сочетания лексем,

будь то речевые или языковые, некоторые непереосмысленные перифрастические и терминообразные словосочетания, компоненты которых связаны отношениями детерминации, а также такие специфические образования, как пословично-афористические речения и образные сравнения.

В главе II «Фразеобразования в арабском классическом языке» анализируются структурно-семантические особенности ФО, проводится их структурная классификация. ФО делятся на именные и глагольные; и те, и другие, в свою очередь, подразделяются на фразесочетания (ФС) и на фразеопредложения (ФП).

В Коране нами выделены следующие структурные типы именных ФС: идафные, атрибутивные, копулятивные и предложно-именные.

Онтологической основой идафных ФС нередко является такая разновидность метафорического тропа (исти'ары), при которой «сравниваемому» приписывается, «одалживается» какой-либо из атрибутов предмета сравнения: *yadu š-šamālī* 'рука северного ветра' – речевое ФО, *yadu d-dahri* 'рука судьбы' – языковое ФО.

Для поэтических тропов идафной конструкции характерна персонализация субъектов, в качестве которых выступают явления природы, рок, судьба и т.п. В коранических же идафных словосочетаниях основная роль переосмысленных компонентов заключается: а) либо в придании конкретности другому, абстрактному компоненту (*libāsu t-taḡwā* 'одеяние богообязанности'); б) либо в образной передаче того или иного свойства, качества (*ḡamarātu l-mawti* 'пучины смерти').

Наряду со стилистически значимыми идафными ФО в Коране встречаются и терминообразные ФО: *ru'ūsū 'amwālikum* 'ваш капитал', *zakrātu l-mawti* 'предсмертная агония', *ḡablu l-warīdi* 'шейная вена'. Достаточно широко употребительны в исследуемом памятнике и идафные перифрастические ФО: *ḡabbu l-'ālamīna* 'Господь миров', т.е. Аллах; *'ahlu l-kitābi* 'люди писания', т.е. иудеи и христиане; *'ibnu s-sabīli* 'сын пути', т.е. путник и др.

Среди коранических идафных словосочетаний распространены такие, в которых первый член конструкции обозначает качество, признак того, что обозначается вторым именем: *sū'u l-'azābi* 'жестокое наказание', *šādīdu l-'iqābi* 'жестоким наказанием'. Данная конструкция, с одной стороны, представляет действие, процесс, обозначаемые существительными ('мучение', 'наказание') и их характерис-

тику ('жестокость', 'суровость') неотъемлемыми одно от другого, тесно связанными между собой, а с другой – характерными для субъекта ситуации, присущими ему. Среди идафных поэтических ФО этой конструкции широко распространена такая разновидность тропа, как киная, в означаемом которого совмещаются как случайный признак субъекта, так и его характерное свойство. Это, главным образом, переосмысленные ФО, в которых происходит указание с помощью одних означаемых на другие (*kaḡḡu ḡamādi l-qidri* «обильный золой котелка», т.е. 'гостеприимный'). Подобные тропы встречаются и в Коране: *qāṣirātu t-tarfi* 'укорачивающие, ограничивающие взор', с потупленными взорами', т.е. 'скромные, стыдливые' и др.

Среди атрибутивных ФО в Коране распространены словосочетания имен существительных с оценочными прилагательными. Переосмысленных среди этого разряда ФО – немного: *ṣirātun mustaqīmūn* «прямой путь» – 'вера, религия'; *ḡabā'an mansūran* «прахом развеянным» – 'ничто, ничем'.

Встречающиеся в Коране копулятивные ФС подразделяются на а) сочетания антонимов – *as-sarrā' wa-d-darrā'* 'радость и горесть' и б) сочетания синонимов и аллонимов – *as-sū' wa-l-fahṣā'* 'зло и мерзость', *ḡa'ūfun ḡahīmūn* 'кроток, милосерден'.

Среди предложно-именных ФС можно выделить разряды: а) словосочетания «предлог + идафное словосочетание» *fī ḡahmati llahi* «в милости Аллаха», т.е. 'в раю'; б) словосочетания «предлог + копулятивное словосочетание» *fī l-ba'sā' wa-d-darrā'* 'и в радости, и в горести'; в) сочетания «предлог + имя» *bi-'a'yuninā* «на наших глазах», т.е. 'в нашем присутствии'.

В разделе «Именные фразеопредложения (предикативные словосочетания)» рассматриваются именные предложения непословичного характера с переосмысленными компонентами в субъектной и/или предикатной частях. Обнаруженные нами в исследуемом памятнике именные ФП имеют структуры: а) подлежащее + именное сказуемое – *wa-'af'idatuhum ḡawā'un* «и сердца их – воздух», т.е. 'на сердце у них пустота'; б) обстоятельственное сказуемое + подлежащее – *fī qulūbihim ḡaraḡun* «в их сердцах болезнь», т.е. им свойственно сомнение в отношении веры, либо неверие, лицемерие и т.п.; в) подлежащее + обстоятельственное сказуемое – *al-qulūbu laḡay l-ḡanājiri* «сердца у гортаней» (от страха), (значительное число ФП этих структур представляют собой образные средства, харак-

теризующие отношение субъекта к вере, его душевное состояние); г) эллиптические предложения-формулы - *hanī'an marī'an* «на здорье и благополучие» (пожелание 'приятного аппетита').

В § 2 главы II рассматриваются глагольные ФО. В связи с отсутствием в арабском языке инфинитивной формы глагола возникают трудности в дифференциации глагольных ФС и ФП. В связи с этим к ФП мы относим такие ФО, в состав которых входит постоянный субъект или, по крайней мере, такой субъект, замена которого, хотя и возможна, но не произвольна. Другими словами, постоянство субъекта ФП не отрицает возможности его варьирования. Пример на ФП: *waḍa'atī l-ḥarbu 'awzārahā* «война сложила свое бремя», т.е. 'окончилась'. Субъект *al-ḥarbu* 'война' в этом ФО - постоянный. В ФС же, например, *yuqaddimu rijlan wa-yu'abbiru 'uḡrā* «он выдвигает одну ногу вперед, а другую отставляет назад», т.е. 'проявляет нерешительность, колеблется в чем-л.' в качестве субъекта может быть использовано любое одушевленное существительное.

Из различения ФП и ФС следует существенный, на наш взгляд, практический вывод о том, что переводы ФП и ФС должны быть по-разному представлены в двуязычных словарях. Глагол в ФП следует представлять в личной форме, а в ФС - в инфинитивной. Например: *waḍa'atī l-ḥarbu 'awzārahā* 'война окончилась' - ФП; *qata'a t-tarīqa* 'заниматься разбоем' букв. 'перерезать дорогу' (см.: Х.К.Баранов. Арабско-русский словарь. М., 1985 - АРС). Кроме того, арабские ФО, обладающие едиными структурно-семантическими свойствами, должны единообразно подаваться в словарях, что не всегда соблюдается. Например, в АРС в статье на слово *ramād* 'зола', 'пепел' находим: *zarra r-ramāda fi l-'uḡni* 'пускать пыль в глаза', но *tanfaḥu fi r-ramādi* посл. 'ты делаешь себе во вред' (букв. ты дуешь на золу). Оба ФО - глагольные ФС и должны быть поданы единообразно: в арабской части глагол должен быть дан в форме 3 лица единств. числа мужск. рода прошедшего времени, а в русском - в форме инфинитива.

Что касается структурных типов глагольных ФС в Коране, то они весьма разнообразны и различаются в зависимости от количества компонентов, от их принадлежности к той или иной части речи, от характера связи между компонентами (предложной или беспредложной), от наличия или отсутствия слитного местоимения при имени существительном, глаголе или предлоге и т.п.

Они подразделяются на ФС структуры: 1) V + N_{вин.}: *qata'a s-sabīla* «пересекать путь», т.е. грабить на дорогах; 2) V + N_{вин.} + слитное местоим. (или антецедент): *uqbiḍūna 'aydiyahum* «сжимают свои руки в кулаки (из скупости)»; 3) V + Prep + N: *ḍaraba fī l-'arḍi* «ударять по земле», т.е. 'странствовать по земле', 'переходить с места на место'; 4) V + Prep + N + слитн. местоим. (либо антецедент): *'adda 'alā yadayhi* 'кусать свои руки (от отчаяния)'; 5) V + слитн. местоим. (или N_{вин.}) + Prep + N + слитн. местоим.: *nabazahu šay'an warā'a zuḥūrihim* «отбрасывать что-л. за свои спины», т.е. 'пренебрегать чем-л.'; 6) V + N_{вин.} + N_{род.}: *'akala laḥma 'ahīhi* «есть мясо брата своего», т.е. 'поносить, порочить кого-л.'; 7) V + N_{вин.} + слит. мест. + Prep + N (или слитн. местоим.): *madda 'aynuhi 'ilayhi* 'устремлять на кого-л., что-л. взоры (с желанием, вожделением, завистью и т.п.)'; 8) V + N + слитн. местоим. + Prep + N + слитн. местоим.: *ja'ala 'asābi'ahum fī 'azānīhim* 'затыкать пальцами уши' (в страхе или в гордости и т.п.); 9) V + Prep + N + слитн. местоим. + N_{вин.}: *ja'ala 'alā qulūbihim 'akinnatan* «наложить на их сердца покровы», т.е. 'сделать их невосприимчивыми к вере, добру и т.п.'; 10) V + Prep + слитн. местоим. + N_{вин.}: *dāqa bihi zar'an* «быть/стать узким/тесным с чем-л./кем-л. силой», т.е. 'оказаться в стесненном, неловком положении'; 11) копулятивные глагольные ФС: *lā tubqī wa-lā tazaru* 'не шадит и не оставляет'.

Структурные типы глагольных ФП в Коране также весьма разнообразны: 1) V + N_{им.}: *ta'mā l-qulūbu* 'ослеплены сердца'; 2) V + слитн. местоим. (или предлог + слитн. местоим.) + N_{имен.} + союз + N_{имен.}: *ḍaribat 'alayhimu z-zillatu wa-l-maskanatu* 'И наказаны они были унижением и нищетой'; 3) V + N_{имен.} + слитн. местоим.: *taqarru 'aynuhu* «прохлаждается глаз его» - 'успокаиваются очи его'; 4) V + N_{имен.} + N_{вин.}: *hattā tada'a l-ḥarbu 'awzārahā* «... пока война не сложит своих нош», т.е. 'не окончится'; 5) V + Prep + слитн. местоим. + N_{имен.} + слитн. местоим.: *wa-dāqat 'alayhim 'anfusuhum* 'и тяжело стало у них на душе'; 6) V + N_{им.} + Prep + N: *'iltaffati s-sāqu bi-s-sāqi* «сойдется голень с голенью», т.е. 'соединятся тяготы жизни здешней с тяготами жизни будущей'; 7) V + N_{вин.} + слитн. местоим. + N_{имен.} + союз + N_{имен.}: *wa-lā yarhaqu wujūhaḥum qatarun wa-lā zillatun* '... и не покроет их лица пыль и унижение'; 8) бессубъектные ФП: *yawma yuḥsafu 'an sāqin*

«в тот день, когда откроются голени», т.е. «в тот день, когда туго придется».

Исследование коранических ФО позволяет сделать вывод о их значительном структурном и семантическом разнообразии. В их основе лежат как метонимические, так и метафорические способы переосмысления. Неоднородны ФО памятника и с точки зрения характера и степени их мотивированности/немотивированности.

Представляет интерес, что значительная часть (около двух третей) коранических ФО являются образными средствами передачи душевного состояния человека. Исключительно разнообразна гамма чувств, переживаний и душевных состояний, выраженных в Коране фразеологическими средствами. Это – состояния беспокойства, успокоения, отчаяния, раскаяния, гнева, восхищения, страха, стеснения, душевного неудобства; выражение смирения, покорности, злобы, проявление скрытности, алчности, зависти, скупости, щедрости, жестокости, трусости, упрямства, пренебрежения; лишения чувств, разума (перен. «слуха, зрения, речи»). Следует отметить, что ФО, связанные с отрицательными эмоциями и переживаниями, явно преобладают над ФО, имеющими отношение к положительным состояниям души. Эмоциональные переживания, в основном, связаны с проблемами религии: с приятием или неприятием веры, страхом перед наказанием, с раскаянием за содеянное и т.п.

Наиболее типичным приемом образной передачи вышеперечисленных чувств и душевных состояний является использование ФО, обозначающих «движения», «состояния» различных органов и частей человеческого организма, «сопровождающих» (реально или в воображении) то или иное чувство, переживание и т.д.

«Реальные» действия, сопутствующие чувствам и переживаниям, – это «кусание кончиков пальцев» от злобы, «заламывание и кусание рук» от отчаяния, раскаяния, «сжимание рук в кулаки» от скупости, «протягивание руки» в щедрости, «затыкание пальцами ушей» от страха, от упрямства и нежелания слушать, «бегание глаз» от беспокойства, «озноб кожи» от страха, «вращение головой» от упрямства и высокомерия, «опускание головы» в раскаянии и т.п.

«Нереальные движения» органов и частей тела, действия с ними – это такие акты, которые в реальности не могут состояться, но гиперболически представлены как сопутствующие тем или иным состоя-

ниям души, чувствам, переживаниям. К ним относятся: «свертывание груди» – символизирующее «дурные замыслы», «достижение сердцами гортаней» – от страха, «опечатывание сердец» – для лишения чувств и разума, «опускание крыла» как выражение «смирения», «сужение груди» – от «душевного неудобства», «опустение сердца» от «отчаяния», «завязывание на сердце», «укрепление сердец, стоп» – для восстановления «душевного равновесия», «опрокидывание кого-л. взорами» – в «злобе», «прохлаждение глаза» как символ «утешения, успокоения, улады», «опьянение взоров» – от «очарованности», «излечение груди» от «неверия», «вращение глазами» – от «страха» и т.п.

Некоторые ФО, обозначающие движения частей тела, указывают не на чувства или переживания, а на действия, которые этими движениями сопровождаются или могут сопровождаться. Это – «удерживание своих или чьих-либо рук» от дурных поступков, от войны; «протягивание рук к кому-л.» с целью нанесения удара или убийства; «протягивание рук и языков со злом»; «хватание за хохол» с целью «укрощения, подчинения»; «обращение тыла» для указания на трусливое бегство; «укрощение взоров» как проявление «скромности и стыдливости»; «обладание руками и взорами» для указания на «благодетельность и пронзительность» и др.

Количество ФО в Коране, не обозначающих состояний души, чувств и переживаний, а также движений, сопровождающих те или иные действия, – относительно невелико – около одной четверти всех ФО. Употребление большинства таких ФО связано с предписаниями ислама (сражаться на пути Аллаха, не порочить покойника, не обижать сирот и др.), с устрашениями, с наказанием, с религиозными реалиями. И лишь отдельные ФО образно передают те или иные действия, не имеющие непосредственного отношения к выражению чувств, либо к религии. Это – *qata'a s-sabīla* «перерезать путь», т.е. «грабить на дорогах»; *ḡaraba fī l-'arḍi* «ударять по земле», т.е. «странствовать», «бродить, передвигаться по земле», *'iṣṭa'ala ḡ-ra'su 'aṣṣaḡban* «и запылала голова сединой»; *'adḡāsu 'aḥlāmin* «пучки снов» – «бессвязные сны». С описанием явлений природы связаны: *tanaffasa ṣ-subḥu* «задышало утро», *fa-mā bakat 'alayhimu s-samā'u wa-l-'arḍu* «И не заплакали над ними ни небо, ни земля...»

Отдельные коранические ФО имеют образную символику, общую с фигурами речи, используемыми в поэтической и «бытовой» разновидностях АКЯ. Например, *sāqin* «голень» символизирует 'тяготы', 'трудности', а также 'усердие', 'активность'. Влияние поэзии ощущается в персонификации в Коране «утра», «неба», «земли», «войны», «смерти». Однако в целом воздействие поэтической и «бытовой» фразеологии на кораническую никак нельзя назвать существенным.

Среди некоранических ФО, помимо поэтических, значительное место занимают «бытовые» ФО. Например: *šammir 'an sāqika fīhi* букв. «оголи твою голень в ней», т.е. 'прояви усердие в [работе]'; *yadribu fī ḥadīd bārīd* «он куёт холодное железо»; *yahūtū 'alā l-mā'* «он чертит на воде», *yafahu fī ḡayr faḥm* «он дует мимо углей» — все три ФО обозначают бесполезные действия; *uulqī ḥablahu 'alā ḡarībīhi* «бросить свою веревку на чей-л. загравок», т.е. 'предоставить кому-л. полную свободу действий' и др.

Многие ФО АКЯ широко употребляются и в современном АЛЯ, что позволяет сделать вывод о влиянии ФО классического периода (в том числе и коранических) на формирование ФЕ современного арабского языка. Немало в современном арабском языке и таких фразеологизмов, которые можно рассматривать как трансформы коранических ФО. С процессом трансформации связано и образование деривационных фразеологических гнезд, использование в текстах коранических реминисценций.

В главе III «Глагольные перифразы» (ГП) большое внимание уделяется описанию и анализу этого разряда ФО, представляющих слабо идиоматичные словосочетания, в которых глагол выражает «лексические функции».

В ходе анализа ГП нами широко использованы современная теория лексических функций, разработанная Ю.Д.Апресьяном, А.К.Жолковским и И.А.Мельчуком, а также существующие представления о семасиологической и ономазиологической идиоматичности, исследованной, в частности, в ряде работ автора. В результате использования теории ЛФ удалось разработать классификацию ГП, позволяющую глубже понять их природу, четче выявить зависимость воздействия речевого произведения на коммуниканта от выбора способа синтаксического оформления высказывания, от установления тех или иных грамматических отношений между актантами.

Глаголы в ГП обычно оформляют грамматические связи между участниками описываемой коммуникантами ситуации, выражают типовые абстрактные значения (лексические функции — ЛФ) инцептивности, финитности, каузации, реализации, фактивности и др. Как правило, ГП, выражающие ЛФ (ГП-ЛФ), обладают не полной, а частичной идиоматичностью — либо уровня означающего (семасиологической), либо уровня означаемого (ономазиологической).

Большинство ГП-ЛФ в связи с отсутствием в них явно выраженной переосмысленности не рассматривалось арабскими учеными, писавшими о красноречии. В то же время, этот разряд перифраз широко употребляется в исследуемом памятнике и выполняет в нем существенную стилистическую роль. По-разному оформляя отношения между описываемой ситуацией и ее участниками, ГП-ЛФ «... представляют один и тот же смысл в разных направлениях» и с различной расстановкой акцентов /Ю.Д.Апресьян/, что существенно для выражения говорящим своего отношения к ситуации в целом и к ее составляющим. Например, по-разному расставлены акценты в: *'azzabahu* 'он мучил его', *qāma bi-'azābihi* букв. 'совершал мучение его', *fa-'aḡazahu l-'azābu* 'и постигло его наказание', *fa-yuḡḡituhi bi-'azābin* 'и поражает его наказанием' и т.п.

В реферируемой работе рассматриваются ГП, выражающие наиболее употребительные в Коране ЛФ.

I. ГП-ЛФ *Func₂*. Одной из ЛФ, характерных для исследуемого текста, является *Func₂*, выражаемая полувспомогательным глаголом, соединяющим название ситуации (ключевое слово — *C₀*) в качестве подлежащего с названием второго участника ситуации в качестве дополнения. Например: *maḡazahu 'azābin* 'постигло его наказание'. «Идейное» предназначение *Func₂* заключается в том, чтобы представить действие как «неподвластное его пациенту» /В.Н.Телия/. Поскольку в предложениях с ГП-ЛФ *Func₂* в качестве дополнения выступает человек, а в качестве подлежащего — воздействующее на него имя существительное (обозначающее, как правило, нечто «дурное» или «доброе»), то 'человек' представляется пассивным, бессильным перед роком, событиями и т.п.

Нами выборочно извлечено из Корана 135 примеров на употребление ГП-ЛФ *Func₂*. Характерно, что из 45 существительных, обозначающих ситуацию (включая два копулятивных словосочетания), 34 выражают отрицательные понятия ('мучение', 'наказание', 'зло', 'не-

счастье' и т.п.) и всего 6 – положительные ('добро', 'благо', 'милость' и т.п.), а остальные 5 – нейтральные.

2. Иначе представлена ситуация с помощью ГП-ЛФ Labor_{1,2}, в которой глагол соединяет название первого участника ситуации в качестве подлежащего с названием второго участника в качестве основного дополнения и с названием самой ситуации в качестве второстепенного дополнения. Суть «идеологической» нагрузки заключается в том, что с ее помощью первый объект (в Коране это обычно – человек, люди) представляется бессильным перед субъектом (Аллахом), который подвергает его действию, обозначаемому именем второго объекта. Например: wa-'in uamsaska llahu bi-durrin 'Если ниспослет тебе Аллах бедствие...'

В 104 рассмотренных нами примерах на употребление ГП-Labor_{1,2} 84 раза в качестве субъекта выступает «Аллах», передаваемый словами 'allahu 'Аллах', rabbun 'Господь', личными показателями глагола и местоимениями, соответствующими 'Мы', 'Он', 'Я'. «Люди», «человек» употребляются в качестве первого объекта 93 раза, а в качестве второго объекта выступают существительные, обозначающие либо нечто «отрицательное» (22 существительных), либо нечто «положительное» (19 существительных), либо «нейтральное» (2 существительных). Таким образом, если ЛФ-Func₂ представляет человека бессильным перед событиями, роком, судьбой, то ЛФ-Labor_{1,2} – ввергает его воле Аллаха.

3. Глагол в ГП-ЛФ Oreg₂ соединяет название второго участника ситуации в качестве подлежащего с названием самой ситуации в качестве дополнения. В данном случае статус реального объекта действия поднимается до статуса грамматического субъекта, вся ситуация рассматривается с точки зрения второго участника ситуации. С одной стороны, ЛФ Oreg₂ ставит пациента в более «выгодное» положение, чем при Func₂ и Labor_{1,2}. Однако, с другой стороны, оно сводится на нет распространенностью среди примеров на Oreg₂ повелительного наклонения, когда «субъект» становится объектом повеления, приказа, а также тем фактом, что в качестве дополнения выступает, как правило, «отрицательное» существительное.

4. ЛФ Liq Oreg₂ антонимична ЛФ Labor_{1,2}. Если Labor_{1,2} каузирует «подверженность» пациента какому-либо действию, то Liq Oreg₂ напротив, каузирует «освобождение» его от этого действия. Основная цель использования этой ЛФ в Коране заключается

в том, чтобы представить Аллаха избавителем от дурного, тяжкого, милостивым божеством, «отпускающим прегрешения», и т.п.

5. ЛФ Oreg₁ – полувспомогательный глагол, соединяющий название первого участника ситуации в качестве подлежащего с названием самой ситуации в качестве дополнения. Эта ЛФ представляет человека в качестве активного субъекта действия. Однако эта «активность» относительна в связи с высокой употребительностью ГП-ЛФ Oreg₁ в повелительном наклонении, а также в связи с высокой повторяемостью многих из них ('творить благое', 'совершать молитву', 'выплачивать закят', 'приводить притчу' и др.). Таким образом, сфера «активности» субъекта-человека оказывается ограниченной относительно небольшим количеством ситуаций.

В реферируемой работе рассмотрены особенности употребления в Коране и некоторых других ЛФ.

ГП-ЛФ выполняют в памятнике «идейную нагрузку», по-разному представляя отношения между участниками ситуации. Разнообразие синонимических средств выражения ЛФ служит целям создания экспрессивности. Распространенность ГП-ЛФ Oreg₁, Oreg₂ и Real^{II} в форме повелительного наклонения свидетельствует о дидактичности, прескриптивности, свойственной тем или иным аятам и сурам.

В главе IV «Паремии в арабском классическом языке» излагаются общие сведения о пословицах и афоризмах как основных разрядах паремий.

Под паремиями мы понимаем фразеологизмы-предложения, способные передавать «оценочно-этическую информацию», осуществлять «дидактическую цель», иметь «обобщающе-назидательное значение», выступать в роли «обобщающих предложений» /М.А.Черкасский, А.В.Кунин, Ю.А.Рубинчик, А.А.Крикманн/.

Пословицы – это полностью или частично переосмысленные предложения. Афоризм же не обладает такой переосмысленностью, какая свойственна пословице. В то же время афоризм не является и «прямым высказыванием». Он «идиоматичен для говорящего», которому надо овладеть информацией о том, что именно так, а не иначе, удобнее выразить ту или иную мысль на данном языке в соответствующих условиях общения. Если пословицам свойственна идиоматичность уровня означающего (семасиологическая), проявляющаяся в «связанной» полисемии/омонимии, то афоризмам свойственна идиоматичность уровня означаемого (ономасиологическая), проявляющаяся в

«связанной» синонимии. Например, совместное употребление компонентов в определенном порядке относительно друг друга в афоризме *map 'atā'a ḡadabahu 'adā'a 'adabahu* 'кто подчинился гневу своему, тот потерял благовоспитанность' приводит к тому, что они взаимно детерминируют функционирование афоризма в целом как идиоматического средства среди многочисленных синонимических способов выражения одного и того же означаемого.

Принципиальное отличие пословицы от афоризма заключается в том, что первая указывает с помощью частной ситуации на общую и через общую — на другую частную, либо непосредственно — с помощью одной частной ситуации — на другую. Афоризм же с помощью общего указывает на частное или, другими словами, с помощью инварианта на вариант.

Как для пословиц, так и для афоризмов, характерна семантическая двуплановость, т.е. обозначая с помощью одной ситуации другую, мы не теряем из виду исходную.

Несмотря на существующие между ними различия, пословица и афоризм имеют много общего в содержательном, функциональном и структурном планах. Сближает эти две категории паремий и тот факт, что между ними существуют разнообразные переходные случаи. Это такие выражения, которые не являются полностью переосмысленными, а содержат отдельные компоненты в переносном употреблении.

В арабской науке о красноречии примерным соответствием термину "паремия" можно считать арабск. 'масаль' (масал), мн.ч. 'амсаль' ('амсāl). Однако этот термин многозначен и употребляется в значениях 'пример', 'подобие', 'сравнение', 'притча', а также как синоним термина тамсиль (разновидность метафорического тропа) и в значении собственно пословица.

Афористические и пословичные выражения, помимо термина 'масаль', обозначаются также терминами хикма (хикма «мудрость, мудрое изречение»), кавль (кавл «высказывание», «речение»), 'ибра ('ибра «поучение», «назидание», «поучительный пример»), ва'з, мав'иза (ва'з, мав'иза «назидание», «увещание», «предписание»).

Уже в раннем средневековье арабские ученые большое внимание уделяли паремиям, занимались их сбором, включали их в словари, теоретически пытались осмыслить собранный материал.

Пословичный фонд в арабских странах никогда не представлял со-

бой чего-то застывшего, неизменного, он постоянно развивался и обогащался, отражая развитие общества, географическое распространение арабоязычного населения, его контакты с другими народами и т.п. В реферируемой работе обращается внимание на особенности арабских паремий: а) в доисламский период, б) в эпоху раннего ислама, в) в период аббасидского халифата.

Имея богатую и длительную историю, арабские паремии включают в себя нравственно-бытовые установки периода джахилии, классические афористические высказывания религиозного и этического характера периода раннего ислама, пословичные суждения, возникшие под влиянием арабской классической поэзии, компаративные и метафорические единицы, глубокомысленные афоризмы эпохи багдадского халифата, разнообразные по содержанию пословицы, отражающие повседневные человеческие интересы, паремии, впитавшие в себя богатейшую историю предшествующих поколений и отразившие культурные, исторические, географические и иные особенности арабского мира эпохи средневековья.

В данной главе излагается и арабская теория масалья, основу которого арабские ученые видели в уподоблении, сравнении, нередко понимая его расширительно и включая в эту категорию и образные сравнения, и тропы метафорического характера.

При описании структурно-семантических особенностей паремий АКЧ особое внимание обращается на характер идиоматичности и мотивированности соответственно пословиц и афоризмов. Паремии в зависимости от их семантико-синтаксического содержания подразделяются на простые и сложные, на сложно-сочиненные и сложно-подчиненные, а также на повествовательные, вопросительные, условно-желательные, общеотрицательные, прескриптивные и сравнительные предложения.

Особо рассматриваются используемые в паремиях структурно-синтаксические и эвфонические средства выразительности, — такие, как оппозиция, антитеза, паронамазия, аллитерация, градация, рифма и др.

Арабские средневековые ученые уделяли большое внимание категории "масаль" в Коране. Но поскольку теория масалья не была достаточно четко и однозначно разработана в рамках науки о красноречии, в разряд "масаль" включались самые различные фигуры речи и средства выразительности — начиная от идафных переосмысленных словосочетаний и кончая развернутыми образными сравнениями. Тем не ме-

нее, они выделяли в Коране и такие выражения, которые бесспорно можно отнести к паремиям.

Количество собственно паремий в Коране относительно невелико. Они представляют собой обобщения жизненного опыта, суждения, философского характера, назидания и прескрипции и др. В них содержатся осуждения отрицательных качеств и поступков, таких как неумеренность в чем-либо, измена, нечестие, нескромность, скупость. Например: 'inna z-zanna lā yuḡni minā l-ḥaqqi šay'ed 'Ведь предположение ни в чем не избавляет от истины'. 'innamā l-ḥayātu d-dunyā la'ibun wa-lahwun 'Ведь ближайшая жизнь – только игра и забава'. wa-lā tamši fi l-'arḍi marāḥan 'innaka lan tabriqa l-'arḍa wa-lan tabluḡa l-jibāla ṭūlan 'И не ходи по земле горделиво: ведь ты не просверлишь землю и не достигнешь гор высотой!'

Несмотря на немногочисленность коранических паремий их влияние на формирование паремического фонда литературного и народно-разговорных арабских языков значительно. Творческая мысль народа оформляла многие коранические положения, выраженные в тривиальной форме, в пословицы с присущими им чертами художественности: с рифмой, переосмыслением отдельных компонентов, аллитерацией, компрессией. Коранические реминесценции наблюдаются и в афористических высказываниях, приписываемых пророку Мухаммаду и праведным халифам.

В главе V «Образные сравнения в АКЯ» даются общие сведения об этой категории выразительных средств. Образные сравнения отличаются от «истинных» сравнений тем, что они выступают как «интенсификаторы», выражающие «высокую степень качества с оттенком преувеличения». В ОС, в отличие от истинных сравнений, выбор второго члена сравнения обусловлен не конкретной реальностью, а «художественным намерением» говорящего – желанием возвысить, унижить, подвергнуть осмеянию и т.п. сравниваемый субъект. В отличие от тропов, в ОС «нет отклонения от лексического кода» и они «являются всего лишь способом описания объекта» /Дюбуа/. Соответственно этому в арабской классической науке о красноречии ОС (ташбих) рассматривались не как разновидность тропа (маджаз), а как одно из средств выразительности (маḥāsину ль-калям «украшения речи»). В отличие от маджаза, в ташбихе не наблюдается «отклонения от исходного» значения, которое закреплено за словом или выражением «по установлению». Однако ташбих в арабской риторике

– это особое средство описания объекта, при котором какое-либо качество, свойство передается от того, у кого оно в избытке, тому, у кого его недостает.

Арабские ученые (Джахиз, аль-Мубаррад, Ибн аль-Му'таз) уже в IX в. уделяли большое внимание ОС. Однако первым, кто дал дефиницию ташбиха, считается аль-Аскари (ум. 1005). Он писал: «Ташбих – такое описание, при котором одно описываемое приравняется к другому с помощью частицы сравнения, независимо от того, равны они между собой (в действительности – В.У.) или нет...» Аль-Аскари же принадлежит и попытка классифицировать ОС. Представляет интерес его внимание к «устойчивым» сравнениям, букв. – к «принятой манере сравнения». Так, например, «щедрость» принято сравнивать с «морем» и с «дождем», «храброго» – с «львом», «красивого» – с «солнцем» и с «луной» и т.п. В качестве символов тех или иных качеств, черт характера могут выступать лица, прославившиеся этими качествами: «щедрый, как Хатим»; «мудрый, как Лукман»; «скупой, как Мадир» и т.п.

Некоторые ученые, например, Абдалкахир Джурджани (ум. 1078), делили ОС на «не требующие толкования» и на «такие, сходство в которых постигается с помощью того или иного вида размышления», т.е. на мотивированные и немотивированные. Примером первого является «сравнение чего-либо с чем-либо со стороны образа, формы, цвета» и т.п., а в качестве примера на немотивированное ОС приводится: kānū ka-l-ḥalqati l-mufrāḡa lā yudrā 'ayna ṭarafāhā «они были как литое кольцо, у которого неизвестно, где начало, а где конец», т.е. «они все одинаковы».

ОС – одно из наиболее распространенных средств выразительности в Коране. Они весьма разнообразны с точки зрения их структуры, образности, содержания. Их можно подразделять на такие, в которых «образ сравнения» а) не распространен, т.е. выражен словом, словосочетанием или одним предложением, и б) распространен, развернут, составлен из нескольких предложений, обозначающих цепочки образов либо целостную картину.

В заключении подводятся общие итоги и излагаются основные выводы выполненного исследования.

В приложениях приводятся примеры на предлагаемые нами переводы микроконтекстов, содержащих ФО.

Апробация и внедрение материалов исследования.

Основные результаты исследования докладывались на научных конференциях по теоретическим проблемам общего и арабского языкознания, по семитологии, лексикологии, фразеологии, семантике, стилистике, по проблемам арабской культуры, состоявшихся в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Новосибирске, Туле, Самарканде, Иркутске, Ереване с 1959 по 1988 год.

Общетеоретические вопросы фразеологии, исследуемые в диссертации, собранный нами фразеологический материал АЛЯ нашли отражение в учебных пособиях по арабскому языку общим объемом около 90 авт. л., созданных автором в процессе более чем тридцатилетней педагогической практики.

Результаты исследовательской работы автора в области фразеологии использовались им в учебном процессе, что способствовало повышению уровня языковой подготовки обучаемых, привитию им навыков использования фразеологизмов в речи и соблюдению ими норм лексико-семантической сочетаемости при построении высказываний на арабском языке.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Основы фразеологии арабского классического языка (монография). - М.: ВЦ ВНИИПИ, 1989. - 547 с.
2. О некоторых стилистических фигурах в трудах Абдалькахира Джурджани // Вопросы языкознания. - 1980. - № 5. - С. 64-73.
3. Стилистическая функция фразеобразовательных средств (на материале текста Корана) // Вопросы языкознания. - 1984. - № 4. - С. 91-101.
4. Русско-арабский словарь. Сост. В.М.Борисов (рецензия) // Народы Азии и Африки. - 1968. - № 6. - С. 190-192.
5. Идиоматичность как свойство языка на разных уровнях (на материале арабского и других языков) // Народы Азии и Африки. - 1970. - № 3. - С. 120-127.
6. Л.И.Ройзензон, А.М.Бушуй. Материалы к общей библиографии, вып. II, Самарканд, 1970, 290 стр. (рецензия) // Народы Азии и Африки. - 1971. - № 5. - С. 194-195.

7. Г.П.Пермяков. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише), (рецензия) // Народы Азии и Африки. - 1972. - № 1. - С. 189-194.

8. Некоторые вопросы лексикографии арабских народно-разговорных языков // Народы Азии и Африки. - 1972. - № 5. - С. 128-132.

9. О двух аспектах описания идиоматичности (на материале арабского и русского языков) // Народы Азии и Африки. - 1974. - № 6. - С. 95-104.

10. В.М.Белкин. Арабская лексикология (рецензия) // Народы Азии и Африки. - 1976. - № 6, с. 220-222.

11. Фразеобразования в Коране и способы их перевода на русский язык // Народы Азии и Африки. - 1988. - № 1. - С. 109-116.

12. Термины "мотивированность" и "немотивированность" в связи с классификацией идиоматических словосочетаний (на материале арабского языка) // Семитские языки, вып. 2 (ч.2). Материалы Первой конференции по семитским языкам. - М.: Наука, Главная редакция восточн. лит.-ры., 1965. С. 444-450.

13. Некоторые замечания об экспрессивности идиоматических единиц // Проблемы семантики. - М.: Наука, 1974. с. 317-322.

14. О создании терминов в арабском языке и терминологических словарях // Семитские языки. Сб. статей. Вып. 3. - М.: Наука, 1976. С. 149-161.

15. Компаративные единицы в арабской классической филологии // Теоретические проблемы восточного языкознания, ч. 3 Ин.-т востоковедения АН СССР. - М.: Наука, 1982. С. 58-64.

16. Дихотомия "язык-речь" в концепции красноречия Абдалькахира Джурджани // Лингвистические традиции в странах Востока. Материалы рабочего совещания. - М.: Наука, 1988. С. 125-128.

17. Семасиологический и ономазиологический аспекты описания идиоматичности // Всесоюз. научн. конф. по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов секционных заседаний. - М.: Наука, 1974. С. 178-182.

18. О свойстве идиоматичности // Актуальные проблемы лексикологии. Тез. докл. лингвистической конференции, вып. II, ч. I. - Новосибирск, 1969. С. 15-18.

19. Соотношение слова и фразеологизма // Тр. Самаркандск. гос.-го ун-та им. А.Навои. Новая серия, вып. 178. Вопросы фразеологии, III. 1970. С. 221-231.

20. О некоторых существенных понятиях фразеологии// - Тр. Самаркандск. го.-го ун.-та им.А.Навои. Новая серия, вып. № 225. Вопросы фразеологии, стилистики и грамматического строя восточных языков. 1972. С. 22-28.

21. Некоторые замечания об объеме фразеологии и идиоматики (идиомологии)// Тр. Самаркандск. гос.-го ун.-та им. А.Навои. Новая серия, вып. 219. Вопросы фразеологии. У, ч. I. 1972. С.60-63.

22. О релевантности признаков идиоматических единиц //Тр. Самаркандск. гос.-го ун.-та им. А.Навои. Новая серия, вып. 219. Вопросы фразеологии, У, ч. I 1972. С.93-95.

23. Слово в составе идиоматического словосочетания// Актуальные проблемы лексикологии. Тез. докл. - Новосибирск, 1974. С. 101-102.

24. Фразеологические сочетания в современном литературном арабском языке// Тр. Самаркандск. гос.-го ун.-та им. А.Навои. Новая серия, вып. 277. Вопросы фразеологии, VII, 1976. С.234-247.

25. Некоторые наблюдения над фразеологией египетского народно-разговорного языка// Тр.Самаркандск. гос.-го ун.-та им. А.Навои. Новая серия, вып. 314. Вопросы востоковедения. 1976. С. 9-36.

26. О мотивированности/немотивированности фразеологических единиц (ФЕ) в связи с фразообразовательными процессами (на материале арабского языка) // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. Межвузовский научно-тематический сборник. Дагестанский ордена Дружбы народов гос.-ый ун.-т им.В.И.Ленина. - Махачкала, 1984. С. 72-80.

27. О некоторых фразообразовательных средствах выразительности в Коране// Научно-практическая конф. И.Ю.Крачковский и современная ориенталистика. Тез.сообщ. Военный Краснознаменный ин.-т. - М., 1985. С. 21-25.

28. К проблеме речевых и языковых фразеобразований в арабской классической науке о красноречии// IV Всесоюз. конференция арабистов (Ереван, 15-17 мая 1985 г.) Тез. докл. и научных сообщ. Ереван, 1985. С. 147-149.

29. Наблюдения арабских филологов VIII-XVI вв. над фразеологизмами и сложными словами// Сб. трудов по языкознанию, № 8 (12), - М., 1972. С. 145-155.

30. О построении словарных статей русско-арабского толково-комбинаторного словаря // Сб. трудов по языкознанию, № 10(14), М., 1976. С. 248-278.

31. Некоторые вопросы фразеологии, фразеографии и паремиологии в трудах арабских ученых// Сб. статей по языкознанию, № II. - М., 1977. С. 93-112.

32. Об отношении некоторых понятий арабской классической "науки о красноречии" к фразеологическим единицам (ФЕ)// Сб. статей по языкознанию, № 13 (17). М. - 1981. С. 71-85.

33. Паремии арабского языка (опыт диахронического анализа)// Сборник статей по языкознанию, № 14 (18). Мин.-во обороны СССР, 1983. С. 116-136.

34. Арабские паремии (опыт функционально-стилистического анализа) // Сб. статей по языкознанию, № 14 (18)/ Мин.-во обороны СССР. 1983. С. 137-162.

35. Место семантики в ряду лингвистических дисциплин и некоторые вопросы лексикологии и фразеологии// Некоторые проблемы лексикологии и фразеологии и приемы обучения лексике и фразеологии. Сб. статей. - М., 1973. С. 5-16.

36. Об использовании идиоматических единиц в газете// Общественно-политическая лексика, принципы ее отбора и методика обучения. Сб. статей. - М., 1977. С. 63-71.

37. Особенности становления и развития фразеологии как лингвистической дисциплины. Ее отношение к методике преподавания иностранных языков и к лексикографической практике// Фразеологическая теория и вопросы лексикографии. Сб. статей. - М., 1983. С. 5-23.

Условные сокращения

АКЯ - арабский классический язык

АЛЯ - арабский литературный язык

АРС - Х.К.Баранов. Арабско-русский словарь.-М., 1985.

ГП - глагольная перифраза

ГП-ЛФ- глагольная перифраза, выражающая лексическую функцию

ЛФ - лексическая функция

ОС - образное сравнение

ФЕ - фразеологическая единица

ФП - фразеопредложение

ФО - фразеобразование

ФС - фразеосочетание

Условные сокращения